

Галина Микеладзе

Пророки есть в отечестве моём

Это четвертый сборник газетных публикаций известной азербайджанской журналистики ГАЛИНЫ АЛЕКПЕРОВНЫ МИКЕЛАДЗЕ.

Она окончила факультет журналистики МГУ и с тех пор полвека работает в органах массовой информации. В последнее десятилетие она – заместитель главного редактора первой в нашей республике независимой газеты "Гюнай" - много пишет на разные темы. Значительно увеличилось и число героев, которым она посвящает свои писательски аналитические, наполненные добротой и философскими раздумьями о судьбах лучших своих соотечественников очерки, убежденно называя их пророками. Новый сборник - это новые исследования о лучших людях, о тех, кто ушел, оставив глубокий след в нашей истории, и тех, кто и сегодня живет во благо своего Отечества.

Галина МИКЕЛАДЗЕ

ПРОРОКИ ЕСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕ МОЕМ

Часть первая

Издательство "АДИЛОГЛЫ"
Баку - 2004

ЕГО ЛЮБОВЬ - МЕЛОДИЯ

Так уж принято: поздравляя всеми уважаемого Мастера с юбилеем, мы оглядываемся назад, чтобы проследить его путь к славе, остановиться на вехах, сформировавших личность - зримее представить его человеческий и творческий подвиг, ближе быть к нему в день такого большого праздника, как 60-летие.

Признаюсь, писать о Муслиме Магомедовиче Магомаеве мне было довольно легко. И не потому, что уже более сорока лет у всех нас на слуху его замечательное пение, что мы привыкли к величественной красоте этого артиста, к его ошеломляющему успеху у самой широкой публики, знаем цену его репертуару, манере исполнения - восторженное ко всему этому отношение, свою признательность совсем даже не просто выразить без опасения, что может не хватить слов, эмоций и знаний. Легкость тут другого плана. Дело в том, что на те многочисленные вопросы, которые не просто хотелось, но было совершенно необходимо задать в эти дни юбилюру, прежде, чем начать писать о нем, он уже ответил. Да, да, ответил в своей замечательной книге, которую назвал "Любовь моя - мелодия".

Для меня она - не просто перечень фактов биографии. Это материал, который избавляет от необходимости докучать

собеседнику (как обычно бывает) вопросами, искать мотивы его поступков, пытаясь проникнуть в истоки его взглядов - честный и откровенный рассказ Муслима Магомедовича о себе позволяет получить полное представление обо всем, что я обязательно спросила бы у него, если бы имела возможность взять в эти дни интервью. И менее всего потому, что книга богата фактами его биографии, привести которые сегодня совсем не лишне.

Более всего как личность он предстает именно в отборе материала для книги, в перечне интересных фактов и имен людей, усилия которых посчитал важными в процессе формирования его профессионализма и мировоззрения в детстве, юности и потом, по жизни. То, как он интерпретирует события, с каким уважением относится к окружающим, как умеет быть благодарным, позволяет во многом понять истоки неординарности этого не просто талантливого, но принципиального, честного, искреннего, благородного человека...

ПРЕДЫСТОРИЯ

Конечно, то, как сложилась жизнь Муслима, предопределила судьба. Его нарекли полным тезкой Муслима Магомаева, замечательного композитора и дирижера, сподвижника Узеира Гаджибекова, одного из основателей азербайджанского профессионального музыкального творчества, как бы закрепляя надежду близких на то, что внук должен повторить путь своего великого деда.

О том, каким был дед, Муслим год за годом узнавал от старших членов семьи - он родился в 1942 году, спустя пять лет после смерти Магомаева-старшего, но, ощущая в себе чувство гордости и "фамильные черты" - музыкальность, жизнелюбие, щедрость, старался как можно больше узнать о нем.

У деда Муслима и бабушки Байдигюль было два сына - Джамалетдин и Магомет, отец Муслима-младшего. Магомет был человеком талантливым: нигде не учась музыке, он хорошо играл на рояле, пел. Увлекающийся, упрямый, драчливый, поэт в душе - он мог быть легкомысленным и суровым в своих принципах, честолюбивым романтиком и мужественным человеком. Именно такой человек и должен был ринуться на фронт с началом Великой Отечественной войны, чтобы, пройдя по ее дорогам длинные три года, погибнуть недалеко от Берлина в преддверии долгожданной победы, оставив сыну лишь несколько полных пронзительной любви писем, звучащих как завещание.

Талантливый театральный художник, Магомет оформлял спектакли в Баку и Майкопе, где и встретил свою суженую - Айшет Ахмедовну. Это была яркая драматическая актриса с великолепными внешними данными, весьма эффектная на сцене, где выступала под фамилией Кинжалова.

У нее был хороший голос - не случайно она говорила сыну, что голос он унаследовал от нее.

Впоследствии сын объяснил одаренность и красоту матери именно тем, что в ней "намешано много кровей": ее отец был турок, мать - наполовину адыгейка, наполовину русская.

Айшет часто меняла театры, в которых работала, много ездила, и потому на просьбы отпустить с ней внука бабушка никак не соглашалась, оттягивая момент расставания с ним, хотя однажды Муслиму довелось пожить вместе с матерью в городе Вышний Волочек, где она тогда работала.

Большая часть детства и юность Муслима прошли в семье бабушки, дяди - Джамалетдина Муслимовича Магомаева и его супруги Марии Ивановны, заменивших ему родителей. Благодаря им он не заметил своего сиротства, жил в обстановке, позволявшей чувствовать себя нормальным бакинским мальчишкой - они не придавали значения национальности друга, не понимали, какое значение имеет положение родителей в обществе и почти поголовно увлекались музыкой.

Именно в Баку он получил великолепное музыкальное образование, обрел утонченный вкус, хорошо усвоил, что такое дружба с детства, какими должны быть нормальные человеческие отношения, и - главное - имел все условия для того, чтобы заниматься любимым делом.

Муслим рано понял, что получает удовольствие от того, что его пение нравится другим, выделяет его среди сверстников, и, видя себя артистом, наряжался во что попало, изображая Фигаро, Риголетто или Раджа Капура, мастерил марионеток для кукольных спектаклей, которые разыгрывал с друзьями.

Вымучивая гаммы и этюды за роялем как ученик музыкальной десятилетки для одаренных детей, он с годами все больше увлекался пением - жадно прослушивая грампластинки самых знаменитых певцов мира, пел сам, подражая таким, как Карузо, Титта Руффо, Джильи, Баттистини. К счастью, в доме сохранились платинки деда, а потом появилась возможность покупать "ребра" - записанные кустарным способом на рентгеновской пленке популярные песни в исполнении замечательных итальянцев...

Это был генетически заложенный интерес, но это была и культурная среда - Муслима окружали замечательные музыканты, его формировала атмосфера в семье, в которой он вырос, музыкальная школа, потом музучилище, консерватория с ее великолепными педагогами, ставший родным оперный театр.

Он только начинал догадываться, что обладает замечательным голосом, и, польщенный вниманием окружающих, охотно много пел, в надежде услышать профессиональную оценку своих способностей - на встречах с друзьями, в художественной самодеятельности до тех пор, пока открылся дяде в том, что его не привлекает карьера пианиста и композитора, а чертовски нравится петь.

Дядя, как Муслим понял потом, был строгим только на вид - он работал заместителем председателя Совета министров Азербайджана, а потом - долгие годы был Постоянным представителем нашей страны в Москве - положение, заботы обязывали быть собранным, к тому же тогда было принято "не баловать детей". На деле же он был тонким, любящим отцом для племянника, с детства проявлявшего гордость и самостоятельность, упорство и самокритичность.

Даже получив известные навыки в вокальном искусстве в классах у самых замечательных педагогов в Баку, тем не менее Муслим продолжал сомневаться: есть ли у него настоящий голос, следует ли ему посвятить себя пению - ведь некоторые уважаемые примадонны, прослушав его, не спешили успокоить талантливого юношу - не часто встретишь в мире искусства доброжелательное отношение к коллегам...

Сомнения рассеял специалист по голосовым связкам и пению, к которому посоветовал обратиться именно дядя: сменив гнев на милость, он понял, что "у мальчтка это всерьез". А московский светила сказал:

- Пойте себе на здоровье, - и это прозвучало как приговор!

НАЧАЛО

Муслиму было всего двадцать лет, когда к нему пришла мировая слава. Он уже успел жениться, у него родилась дочь Марина, даже подзаработал денег, выступая на гастролях, когда пришло приглашение выступить на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. Было это в 1962 году.

Он исполнял там "Бухенвальдский набат", "Хотят ли русские войны", итальянские лирические песни - цел много, выступая по нескольку раз в день на разных площадках, в том числе и на улицах. Он настолько покорила слушателей и жюри, что был удостоен медали лауреата как наиболее отличившийся участник. В те дни самая престижная пресса Москвы сделала его героем своих публикаций, а после выступления с оркестром по Центральному телевидению его стали узнавать повсюду.

Переломным моментом в своей биографии Муслим Магомедович называет 26 марта 1963 года: в Москве проходила Декада культуры и искусства Азербайджана, в столицу съехались лучшие художественные коллективы республики, признанные мастера и начинающая молодежь. Концерты, в которых участвовал Муслим Магомаев, проходили в Кремлевском Дворце съездов - его принимали так восторженно, что однажды он посчитал возможным исполнить на бис каватину Фигаро из оперы "Севильский цирюльник". Где ему было знать, что, по выражению сидевшего в ложе великого певца И.Козловского, это было проявлением "весьма небрежного отношения к своему голосу" - он был молод, он любил петь и не знал ничего о том, как следует беречь свой талант.

На следующий день художественный руководитель концертов декады, наш известный композитор Тофик Кулиев представил Муслима Магомаева импозантному мужчине - оказалось, он пришел пригласить восходящую звезду на прослушивание в Большой театр СССР. Молодой певец вежливо отказался: чувство гордости подсказало ему, что в столь прославленном коллективе он может оказаться на положении мальчика из Баку, которого каждый на свой лад станет учить уму-разуму.

Кстати, от приглашения дебютировать в Большом с "Севильским цирюльником" без единой репетиции Муслим Магомаев отказался и позже - после возвращения со стажировки в Италии... Но это было потом, а пока шел 1963 год, и после оглушительного успеха на концертах азербайджанской декады ему предложили спеть сольный концерт в Концертном зале имени Чайковского.

Только посвященные знают, что это за зал, и что это за честь получить право дать сольный концерт на его сцене!

Вообще как-то повелось, что Муслим не раз уже в те годы становился первым - то ли потому, что отличался смелым нравом, то ли время было особое, когда жизнь с приходом оттепели активно менялась. Практически мальчишкой он спел первый сольный

концерт, да не где-нибудь, а в престижнейшем зале. Он первым записал на фирме "Мелодия" в здании англиканской церкви оперные арии в сопровождении симфонического оркестра под управлением Ниязи. Он первым осваивал многие новшества с только что появлявшейся аппаратурой...

Так вот... Муслим очень тщательно готовился к сольному концерту - в Баку и Москве. Только после него он узнал, что толпа желавших попасть в зал имени Чайковского снесла входную дверь вестибюля, а пока, стоя за кулисой, ведущей на сцену, испытывал неопишное волнение. Откуда-то издали услышал голос ведущей, коротко, без репаллий назвавшей его имя, и ощутил полное, почти до потери сознания отрешение, когда практически не осознавая себя, шагнул в полутемный зал, так и не поняв, что все проходы были плотно заполнены стоявшими людьми...

Вместо объявленных в программе шестнадцати вещей Муслим спел двадцать три. Бах, Гендель, Моцарт, Россини, Шуберт, Чайковский, Рахманинов, Гаджибеков... Уже выключили в зале свет, увезли рояль, а к авансцене с балконов, с галерки все стекалась толпа слушателей - человек триста. Они стояли и неистово аплодировали - и тогда певец попросил вернуть рояль - началось незапланированное третье отделение: "Como prima", "Gvarda che Luna", твист Челентано "Двадцать четыре тысячи поцелуев"...

Надо ли говорить, что в музыкальной среде пошли разговоры о подобной вольности: негоже, мол, петь эстрадные песни в классическом концерте и т.д.

Помнит Муслим окрики секретаря ЦК КП Азербайджана по идеологии типа "Мы недовольны тем, что, кроме классики, ты поешь разные там песенки, мы запрещаем тебе это!"

Помнит, как заместитель министра культуры СССР Завен Гевондович Варганян возмущался тем, что артист исполняет партии Фигаро и Скарпиа в театрах... на итальянском языке - "трудящиеся могут не понять, о чем ты поешь"!

Очень важно отметить, что Муслиму Магомаеву благоволила тогдашний министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева. Воскликнув однажды: "Наконец-то у нас появился настоящий баритон!", она не раз проявляла здравый смысл и справедливость, чтобы переступить через бытовавшие чванство и тупость, выручала его из трудных ситуаций - тогда ведь каждый чиновник мог позволить себе воспользоваться своим правом "не пущать!", "запретить!", "проверить!" - партийная идеология строго регламен-

тировала, что петь, где петь, сколько зарабатывать. Поддержка такой личности, конечно же, не раз его выручала - ведь доставалось Муслиму Магомаеву от "властных структур" на раз: то он превысил "лимит" выступлений на гастролях и заработал больше, чем допускалось; то в Италии получил двести тысяч лир (сумму, равную двум мизерным месячным стипендиям), согласившись прочитать рекламный текст на русском языке; то пошумели с друзьями в ресторанчике; встречался с неплохо говорившей по-русски балериной Анной Прина, вернувшейся из Москвы, где она стажировалась в Большом, - все тогда использовалось в качестве давления на личность, а тем более - творческую...

СТАЖИРОВКА В ИТАЛИИ

Конечно, стажировка в Италии оставила глубокий след в жизни певца. Поехал он туда от Азербайджана - персональное место ему было выделено как представителю республики, но в целом это был так называемый безвалютный обмен: в Большом театре СССР стажировались итальянские танцовщицы, а в "Ла Скала" - советские певцы. Тем и другим платили крохотную стипендию, но баланс приходилось соблюдать.

Испытывая невероятные материальные трудности, советские стажеры успокаивали себя тем, что в святая святых оперного искусства им дают возможность заниматься с опытными педагогами, хотя как подарок судьбы восприняли даже получение обыкновенной продуктовой посылки, которую дядя Муслима передал с оказией - через приехавшего в Италию министра нефтяной и газовой промышленности СССР Сабита Атаевича Оруджева.

В первый сезон стажировки Муслим Магомаев подготовил всю партию Фигаро в "Севильском цирюльнике", второй сезон посвятил партии Скарпиа в "Тоске". Но выступить на сцене "Ла Скала" ему так и не удалось: пришло известие, что итальянским стажеркам не дали выступить на сцене Большого театра, а в отместку отказали в предусмотренном выступлении и советским певцам - по принципу сообщающихся сосудов...

Правда, своего Фигаро уже после стажировки Муслим все-таки спел - его отлично принимали на оперных сценах Баку, Ленинграда, Вильнюса, Риги... А в Италии под занавес ему удалось блеснуть на малой сцене театра - в "Ла Пикколо Скала": там состоялся концерт, в

котором звучал в основном русский репертуар и, в частности, знаменитая песня "Вдоль по Питерской" в исполнении Магомаева, покорившая итальянских слушателей.

Летом 1966 года Муслим Магомаев попал во Францию - предстояло выступление на сцене знаменитого театра "Олимпия" в составе большой группы советских артистов. Рассказывая об этом событии, газета "Русская мысль" написала:

"Молодой певец Муслим Магомаев прислан из Баку и представляет Азербайджан. Он выступает последним номером, и публика не хочет его отпускать, устраивает ему более чем заслуженную овацию... Но когда Магомаев исключительным по красоте баритоном поет арию Фигаро по-итальянски, с прекрасной дикцией, отличным произношением и соответствующей живостью, публика буквально начинает бесноваться. Затем он садится за рояль и, превосходно аккомпанируя себе, поет по-русски Стеньку Разина и "Подмосковные вечера" - две вещи, казалось бы, набившие оскомину даже у французов, - в его исполнении звучат необычайно интересно. Исполняя "Подмосковные вечера", он вдруг оборачивается к публике и просит, конечно, по-русски, подпевать

*"если б знали вы, как мне дороги
подмосковные вечера..."*

Не случайно, что гастроли еще продолжались, когда директор знаменитого театра "Олимпия" стал заводить речь о том, чтобы заполучить азербайджанского певца на год. Рекламу в Париже, во Франции он брал на себя, телевидение, пластинки - все по полной программе, после чего можно было бы рекламировать его по всей Европе, делать из него мировую звезду.

Директор не сомневался, что в Москве обрадуются, если певец из Советского Союза прорвется на европейскую эстраду, что этим будут гордиться, но... Фурцева отказала: Магомаев - наш государственный певец, его постоянно просят выступить на правительственных концертах!

"ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕВЕЦ"

Когда читаешь восторженные отклики на выступления певца в Париже, с трудом веришь, что и туда он попал лишь благодаря заступничеству Екатерины Алексеевны Фурцевой. Оказывается, в Азербайджане Муслим Магомаев был в то время на полгода объявлен наказанным... за то, что "уже исчерпал лимит выступлений и заработал больше, чем разрешалось финансовыми органами!".

Публика по всей стране мечтает попасть на его выступления, организаторы концертов за рубежом готовы платить ему огромные гонорары, которые практически целиком за исключением мизерной зарплаты исполнителя пойдут "Госконцерту", то есть в государственную казну, а партийный сановник из республиканского руководства заявляет союзному министру, что Магомаев-де наказан!

Конечно, сейчас хорошо известно, что в конце концов все инциденты заканчивались более или менее благополучно, что востребованность Муслима Магомаева была абсолютной, что в тридцать один год он был удостоен самого престижного звания "народный артист СССР" и карьере его могли позавидовать многие талантливые коллеги, но достаточно глубокие зарубки оставили очень многие случаи - ведь приходилось проявлять характер, отстаивая свои права и интересы здравого смысла.

Во второй раз Муслим Магомаев попал во Францию в связи с проводившимся в Каннах очередным Международным фестивалем грамзаписи и музыкальных изданий - МИДЕМом, где собирали рекордсменов по числу проданных пластинок.

Когда на фестивале назвали цифру проданных пластинок Магомаева, зал взорвался: четыре с половиной миллиона экземпляров - такого не может быть! Но ведь было же - популярность певца была грандиозной, пластинки в СССР стоили дешево и их приобретала чуть ли не каждая семья в стране с населением в 250 миллионов человек... Словом, "Золотой диск" нашему соотечественнику в Каннах вручили абсолютно по-честному.

На приглашение в Сопот, на IX Международный фестиваль эстрадной песни, Муслим Магомедович поначалу ответил отказом - туда ехала пробовать свои силы начинающая молодежь, а он уже хорошо знал, что такое переполненные залы, кордоны конной милиции, море цветов, легенды и сплетни, машина, обцелованная поклонницами. Не заигрывая с публикой, без зазнайства певец продолжал оставаться скромным человеком, совмещая внутреннее достоинство с трезвостью самооценки, понимал, что Сопот в данном случае не для него, но, узнав, что организаторы фестиваля очень просили, чтобы от Советского Союза приехал именно он, согласился. Что ж, поехал он не зря: главную награду - первую премию - единолично присудили ему.

В свои приезды в Польшу Муслим упорно искал могилу своего отца, о месте захоронения которого знал из письма командира части, полученного семьей еще в 1945 году. Поиски оказались не легкими,

но тем не менее увенчались успехом: теперь в списке 3985 советских солдат, погребенных в братской могиле на кладбище в местечке Хойна, значится и имя Магомеда Муслимовича Магомаева. Позже это имя оказалось занесенным и в изданную польскими историками Книгу памяти о тех солдатах, которые погибли и похоронены на территории Польши.

Конечно, главным делом в жизни Муслима Магомаева стало пение - он прославился как талантливый, самобытный, ни на кого не похожий мастер вокала, самозабвенно преданный своему выбору и упорно работавший над собой, устремляясь к вершинам этого мастерства. Тем не менее он никогда не замыкался на одном деле - он всегда писал музыку, охотно рисовал, подчас увлекаясь этим до самозабвения. Большой след в его творческой биографии оставил Государственный эстрадно-симфонический оркестр Азербайджана, в который он с разрешения руководства республики собрал весьма искусных музыкантов, на протяжении нескольких лет сопровождавших выступления теперь уже народного артиста СССР Муслима Магомаева в гастролях по десяткам городов бывшего Союза.

Увы, отдавая должное высокому профессионализму и увлеченности коллег, он через несколько лет понял, что расставание с оркестром было неизбежным, и с горечью говорит, что по нынешним электронным временам большой джазовый состав - непозволительная роскошь: ворвавшиеся в жизнь синтезаторы и компьютеры, намного упростившие "технологии музицирования", лишили нас очень важного - возможности общаться с живым дыханием музыкантов.

Довелось Муслиму Магомаеву побывать и депутатом Верховного Совета Азербайджана. Он уже имел возможность убедиться в том, как по-отечески заботливо относится к нему руководитель республики - Гейдар Алиев, потому-то, узнав о своем выдвижении, именно к нему и обратился с недоуменным вопросом:

- Ну какой из меня государственный деятель? По характеру я неусидчив, а на заседаниях надо сидеть по три-четыре часа, руку поднимать, голосуя за то, о чем имеешь весьма смутное представление.

Но Алиев сказал:

- Ты же все равно ходишь ко мне, хлопчешь за других, так уж ходи теперь на законных основаниях и делай то же самое, но как депутат...

Спрашивая себя по прошествии лет, не поступился ли он тогда своими принципами, Муслим уверенно отвечает себе: нет! И делает

вывод, очень пригодившийся в жизни, - не всегда надо делать только то, что хочется тебе!

Был у Муслима интересный разговор с Гейдаром Алиевым и о КПСС:

- Почему,- спросил он однажды первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана,- вы никогда не предлагали мне вступить в партию?

- Видишь ли, Муслим,- ответил Гейдар Алиевич,- я прекрасно понимал, что тебе партия не нужна... Ты - артист, у тебя другие горизонты. Партия - это дисциплина, и, хочешь - не хочешь, - преобладание общественного над личным. А ты человек непредсказуемый, неколлективный, совершенно необщественный...

Муслим Магомедович рассказывает в книге:

“ Еще в пору моей холостяцкой жизни Гейдар Алиевич часто говорил мне - тебе давно пора жениться! Ведешь себя плохо! Перебравшись из московской гостиницы “Россия” в гостиницу Азербайджанского постоянного представительства, я фактически оказался под надзором. Не только дяде-постпреду, но и Гейдару Алиевичу докладывали, кто ко мне приходит, с кем я вожу дружбу, сколько мои гости выпили, до какого часа досиделись... Не удивительно, что, узнав о моем желании жениться, он от всего сердца поздравил меня и мою избранницу - солистку Большого театра, обладательницу великолепного меццо-сопрано Тамару Ильиничну Синявскую и даже пригласил нас проехать до Тулы в поезде, которым он отправлялся в те дни в Баку.

Так с легкой руки Гейдара Алиевича мы с Тамарой и мчимся по жизни на своем поезде уже более четверти века”...

И ВСЕ-ТАКИ ИНТЕРВЬЮ СОСТОЯЛОСЬ

Сегодня нашему замечательному соотечественнику Муслиму Магомаеву исполняется шестьдесят лет. Готовясь поздравить его с этой датой через газету, мы связались с юбиляром по телефону, и я с волнением задала ему несколько вопросов - наверное, не самых важных и конкретных, но то, что он ответил, позволяет представить, как оценивает всенародно любимый артист свое место в развитии культуры, чем живет сегодня, что думает о времени, как собирается отметить день рождения.

- Я много лет живу в Москве, но считаю себя подлинным бакинцем - вы, наверное, заметили это по моей книге. Так вот, в день

17 августа у меня в доме соберутся самые близкие друзья, и будут это в основном бакинцы. Мы будем поднимать тосты за самых близких и дорогих друзей, которыми щедро наградила меня жизнь.

- Она наградила вас еще и талантом, сделала человеком всемирно известным! Вас не тяготила слава эстрадного певца - вы ведь готовились к оперной карьере?

- Все складывалось как бы само собой: выступая с оперными ариями, я, чувствуя вкусы аудитории да и увлекаясь драматургией известных народных песен, как-то незаметно расширял свой репертуар за счет произведений, не имевших отношения к классике, а это нравилось публике - что было делать? Не петь?

- Вас не раздражало словосочетание "правительственный певец"?

- Отчего же? Приглашали на самые престижные концерты, принимали великолепно...

- И просили петь эстрадный репертуар... Но это же отвлекало от цели - зачем тогда было разучивать сложнейшие оперные партии, тем более в "Ла скала"?

- Это произошло само собой, я никакого перехода не почувствовал. Много ездил на гастроли с Азербайджанским эстрадно-симфоническим оркестром - в таких условиях каждый день оперные партии не споешь.

- Осталось сожаление?

- Нет! Разве что только в глубине души, но, положив руку на сердце, скажу, что так, наверное, должно было быть. Во-первых, я по природе немного лентяй, а опера требует полной самоотдачи, постоянного тренажа, занимает все свободное время. Надо держать себя в рамках, а я это не очень люблю. Я по натуре человек свободный.

- Сейчас вас редко можно встретить на экране телевидения - почему?

- Меня приглашают практически в каждую передачу, и если бы я откликнулся на все предложения, наверное, светился бы на экране. Бешеную популярность у молодежи я сейчас иметь не буду - для этого есть молодые исполнители. Можно снять какой-то клип, раскручивать его, но зачем? Меня и без этого хорошо помнят и знают - недавно участвовал в концерте в честь 75-летия Ленинградской области - там стоял буквально оглушительный рев.

- Вы сейчас много работаете?

- Нет! Считаю, что работать следует ровно столько, сколько надо, чтобы заработать на жизнь, чтобы ни в чем не нуждаться. Я

благодарен Богу, что сохранил голос. Готовить ныне нечто новое - глупо, потому что люди все равно хотят услышать то, что уже слышали и полюбили раньше.

- И последний вопрос: как вы относитесь к публикациям прессы, к критике?

- Вы, конечно же, знаете, что, написав, скажем, Плачидо Доминго хороший певец, никого не удивите. А вот если промелькнет какая-то гадость о нем, так называемые читатели ринутся покупать газету или журнал - время в этом смысле ужасное. Что касается критики, то, скажу вам, поначалу мне был очень интересен серьезный анализ важных выступлений, таких, как, скажем, сольный концерт - хотелось нелукавого разбора того, что я сделал. Сейчас я знаю о своем творчестве больше самого умного и проникновенного аналитика. И, поверьте, мое мнение о себе безжалостно.

Уверен, никто лучше меня не знает мои вольные или невольные огрехи. Что бы мне ни говорили, я лучше всех знаю про себя - что и как. Когда меня называют великим певцом, я морщусь: мне жаль тех, кто верит суетным комплиментам.

- Это не значит, что нам не за что вас почитать - вы с честью, с достоинством несете по жизни пламя души, унаследованное от своего великого предка Муслима Магомаева-старшего, вы на долгие годы стали кумиром публики, оценившей ваш талант, и прославили свою родину - Азербайджан. От всей души поздравляя вас с юбилеем, мы, ваши земляки, абсолютно искренне признаемся вам в любви, желаем здоровья и успехов - вы же сами сказали, что считаете 60-летие не столь уж большим грузом.

- Я действительно так считаю. Спасибо вам за добрые пожелания!

"Гюнай", 17 августа 2002 года

МУСЛИМ МАГОМАЕВ: НАДО ОПЕКАТЬ ТАЛАНТЛИВЫХ ЛЮДЕЙ

Так получилось, что в канун Нового года в Баку неожиданно приехал Муслим Магомаев. Он с удовольствием дал эксклюзивное интервью нашему корреспонденту.

От души поздравляя с замечательным праздником своих соотечественников, прославленный певец пожелал нам благополучия и процветания. Правда, перед началом беседы Муслим Магомаев пошутил, что обычно в день концерта старается беречь голос и почти не разговаривает, однако охотно делает исключение для нашей уважаемой газеты и ее читателей.

- Не секрет, что на сей раз вы приехали в Баку по приглашению Фидан и Хураман Касимовых на юбилейный вечер, посвященный 25-летию их творческой деятельности. Что для вас этот праздник выдающихся наших вокалисток?

- Это хороший праздник! Фидан и Хураман предмет нашей гордости, и для меня приятное удовольствие сказать им об этом на глазах у широкой публики. Я знаю их практически с детства, по музыкальной школе-десятилетке при консерватории, где учился в более старших классах, чем они. Фидан тогда занималась по классу скрипки. Никто не знал тогда, что она станет вокалисткой.

- Напрасно столько лет отдала постижению труднейшей профессии скрипача...

- Как раз наоборот! Понимаете, обычно о наличии голоса, который позволяет признать в человеке вокалиста, можно судить где-то после 20 лет, а нередко - и позже. Зачастую это люди, далекие от музыки и музыкальной культуры. И тогда многим самым одаренным обладателям голоса подчас до конца певческой карьеры не удается наверстать упущенное время, приобрести ту сумму обобщенных профессиональных знаний, которые необходимы в певческой карьере...

- У Фидан и Хураман - другое...

- Да, они рано усвоили, что к праздным людям успех не приходит, что сцена забирает огромную физическую, духовную и психологическую энергию, делая нередко артиста человеком не просто честолюбивым, но и ранимым, может быть даже неудобным в общении...

Фидан в конце концов отказалась от скрипки. По-моему, хорошо, что Хураман “завязала” с фортепиано - зато к вокальной “деятельности” они пришли сформировавшимися, широко образованными музыкантами, усвоившими кантлену инструмента, да и вообще широкий объем профессиональных знаний, умеющими пропускать сквозь сердце то, что может выразить только музыка.

- Если она подлинная, а не суррогат, который нам в сознание усердно стараются внедрить современные с позволения сказать композиторы и исполнители их “произведений”, ох как обогнавшие наших подлинных звездочек в гонке за внимание публики...

- Знаете, с удовольствием откликаясь на приглашение Фидан и Хураман, я окинул мысленным взором пройденный ими за эти 25 лет творческий путь и с гордостью могу сказать, что им удалось сделать очень не мало. Они с достоинством пели в самых сложных операх, подготовили десятки изысканных программ из произведений редко исполняемой западно-европейской классики, требующей высоченной вокальной и внутренней культуры; они объездили много стран, где при переполненных, рукоплескавших им залах буквально покоряли своими прекрасными голосами самых взыскательных слушателей.

- Откуда же мнение о том, что Фидан и Хураман Касимовы не достаточно востребованы, что у них должно быть значительно больше встреч с аудиторией?

- Поверьте уж мне, что человеку, постоянно работающему над собой в расчете на встречу со зрителями, всегда не хватает концертов, спектаклей - так уж мы устроены. Но тут не каприз - сестры Касимовы сейчас вполне могут считать себя обойденными вниманием устроителей, тех, кто в ответе за творческую судьбу выдающихся мастеров, тем более, что в республике есть все условия для их активной творческой деятельности. Такие вокалисты, как Фидан и Хураман, нуждаются в особой опеке и заботе.

- Но чьей? Без колебаний уступив позиции нарождающимся структурам шоу-бизнеса, руководители учреждений, которые обязаны заниматься приобщением нации к подлинной культуре - восточной и западной, и сами - похоже - поверили, будто широкой публике не нужны классика, серьезная музыка. Так ведь куда удобнее: устроители шоу сами решают свои проблемы, им только позволь арендовать зал - и зрителей найдут, и денежки соберут...

Они до того не знают вкусы и настроение публики, что, организовав вечер памяти незабвенной Шовкет ханум Алекперовой, опасались, что зал будет полупустым! Распространили столько

лишних билетов, что пришлось закрыть двери перед сотнями людей, мечтавших попасть на вечер. Многие стояли или сидели на ступеньках лестниц! Только полное незнание вкусов и настроения публики могло привести к такому безобразию!

- Мне понятна ваша озабоченность. Жаль, что руководители сферы культуры позволяют скороспелому, собирающему публику и дающему сборы "искусству" с ловкостью агрессора овладевать пространством, вытеснять подлинное из жизни общества...

Да, шоу-бизнес ведет себя как джин, выпущенный из бутылки, беря реванш за долгое заточение: в былые времена даже лучшие эстрадные мастера не были так обласканы государством, как мастера классических видов искусства.

Тогда и представить себе было невозможно, чтобы такие корифеи сцены, подлинные кумиры публики, как Райкин, Утесов, Шульженко, были удостоены высокого звания "Народный артист СССР". Первым из "эстрадников" его получил... Рашид Бейбутов!

- И то не за замечательные песни и выступления на широкой публике, а потому что спел в Москве на Декаде азербайджанского искусства партию Балаша в опере Фикрета Амирова "Севиль"!

- Верно! Но получил же! И открыл дорогу другим, весьма достойным артистам - потому что в то время доступные более широким массам (как тогда говорили) произведения и по жанру, и по мастерству исполнения были подлинным искусством.

- И это был прорыв!

- Конечно!

- Согласитесь, и ваш приход на сцену способствовал повышению престижа эстрадного жанра в глазах власть имущих. Ведь из-за того, что без вас невозможно было представить ни один правительственный концерт, вы тогда отказались от карьеры оперного певца, к которой готовили себя долго и упорно...

- Я не жалею об этом. Так сложилась судьба. Обстоятельства направили меня по тому пути, который и стал моим выбором. Поверьте, это не был легкий путь - загруженность и востребованность не оставляли мне возможности не просто почивать на лаврах, но и элементарно расслабиться.

- Оперная карьера требует значительно больше сил на подготовку новых партий, заботу о состоянии голоса, а ту популярность, которую имеют эстрадные певцы, увы, не приносит...

- Как вам сказать...

- Тот же Николай Басков... Разве он не растрчивает силы на эстраде? Не пример ли это погони за сиюминутной славой, которую не могут себе позволить оперные певцы?

- Я слушал Баскова в роли Ленского в опере "Евгений Онегин" в Большом - мне понравилась эта его работа. Но здоровое тщеславие тянет его на общение с более широкой аудиторией, и я вполне могу его понять, хотя знаком с тем, как шоу-бизнес выматывает силы и практически несовместим с серьезным, классическим искусством. Не знаю, хватит ли у него сил и настойчивости готовить новые, трудоемкие оперные партии, но уверен: пока что такая возможность в этом театре к его услугам.

- Совсем иная ситуация у наших замечательных, высоко профессиональных, талантливых певиц - Фидан, Хураман да и других. Опера "Кероглу", в которой в роли Нигяр блистала несколько лет подряд Фидан, давно не ставится в Азербайджанском театре оперы и балета; занимать только их в классическом оперном репертуре, не приглашая гастролеров, тоже было бы неправильно - свежая струя как воздух необходима любителям музыки. Каким вы видите выход из создавшегося положения?

- Выход, по-моему, в организации концертов, зарубежных гастролей! Учтите, как бы дорого это ни обходилось, моральный, психологический фактор намного дороже. Представляете, как много значит для всех нас, когда в разных странах мира звучат голоса именно азербайджанских вокалисток да еще такого высокого класса! Кстати, не секрет, что Рашид Бейбутов в свое время, не ожидая, когда кто-то организует ему концерты здесь, объездил очень много стран, пропагандируя песни своего народа, получая огромное творческое удовлетворение.

- На это нужны средства - мы живем в условиях рыночной экономики!

- А вот это уже и есть забота государства и о талантливых личностях, и о своем престиже! Век артиста совсем не долгоден. Не заметишь, как из-за простоя потеряешь форму, как тебя опередят молодые, более активные коллеги. Даже перспективные вокалисты из-за этого предпочитают выступать в ресторане, чем кропотливо совершенствовать голос, выезжать на учебу за рубеж - иди знай, что тут будет года через два. А пока зовут, дают зал, платят, рекламируют - куй железо, как говорится!

- Хорошо сказано: опекай талантливых, бездарности сами пробьются...

- Абсолютно верно!

- В Москве в этом плане получше?

- Как сказать... Там те же явления, только все происходит значительно масштабнее. Минимум десять мюзиклов ставится -

народ валом валит. Подражают зарубежным образцам, да только качество значительно уступает им. Почти все телевизионные шоу - профонация.

- Вы стараетесь не участвовать в них?

- Как правило, избегаю. Такие, как "С легким паром", "Принцип Домино", "Большая стирка"... не по мне. Недавно снялся в программе "Двойной портрет"(с Карлом Готтом) в "Совершенно секретно", записался в программе "Кумиры", у С.Белзы - "В вашем доме".

- Что несете людям во время откровений, которых ждут от вас авторы этих передач?

- Всегда помню, что люди ждут ответов на самые жгучие вопросы современности и стараюсь рассуждать с позиций элементарной человеческой культуры о том, что достойно внимания гражданина, личности. В то время, когда повсюду звучит выражение "лица кавказской национальности, надо светиться именно в том качестве, в котором мы предстаем в истинном, далеко не ущербном качестве - нам ведь есть что показать, чем гордиться!

Надоело, что телевидение, газеты, интернетовские сайты обрушивают на людей охи и вздохи о том, как все вокруг ужасно и невыносимо, - поверьте, я лично убедился, что все республики бывшего СССР испытывают одни и те же проблемы и интерес к искусству, к которому их народ привык, по сути одинаков.

- Вам приходится ездить с концертами?

- Естественно! Недавно с супругой Тamarой Синявской пели в переполненных залах в Санкт-Петербурга, Киева, Самары, Тальятти...

- С новыми программами?

- Скорее в стиле "рестро"! Я давно понял: что бы ни готовил нового, публика требует того, что полюбила раньше и с чем хочет встречаться вновь и вновь.

- Получается, новое - это хорошо забытое старое?

- Пока нет. Пока людям молодого поколения хочется сказать что-то свое, оригинальное и это - опять же пока - проглатывает аудитория. Они даже не замечают, насколько неэстетично (как минимум) то, что делает, скажем, та же "Фабрика звезд", отбирая из безголосых дергунчиков так называемых лучших.

- Кто-то это финансирует... Как вы думаете, для чего?

- Уверен: для того, чтобы приспособить уровень сознания, уровень общечеловеческой культуры, общество вообще к своему образу мышления, при котором все вокруг подвергается иронии, лишенной мысли идеи.

- Вы сказали "пока" - значит, есть надежда, что вернемся к лучшим образцам искусства?

- Убежден! Вы же сами видели, что на вечер памяти Шовкет Алекперовой зал не мог вместить всех желающих, что Фидан и Хураман огромная аудитория слушала, затаив дыхание...

Слава Богу, моим землякам не занимать вкуса к прекрасной музыкальной культуре!

- Кстати, после юбилейного праздника по случаю 60-летия в Баку вы отметили свой юбилей в Москве - это было другое "мероприятие"?

- Мне не очень нравится, когда юбиляр да и гости обязаны выступать перед зрителями. Это, скорее, концерт, а не день рождения. У меня в Концертном зале "Россия" были расставлены столики как в ресторане, и приглашенные, именно гости, по желанию поднимались на сцену и приветствовали "хозяина" - кто как хотел.

- Чего бы вы пожелали соотечественникам в преддверии наступающего 2003 года?

- Знаете, есть такой анекдот о нас... Окидывая довольным взглядом обильно уставленный яствами новогодний стол, тамада говорит: пусть прошедший год будет самым плохим в нашей жизни! Вот и я того желаю. Грех говорить, что Азербайджан живет плохо. Здесь очень многое изменилось в лучшую сторону и, как говорится, будем благодарны Богу за это. И еще я хочу сказать, что нашим благополучием, миру в наших домах мы во многом обязаны нашему уважаемому президенту Гейдару Алиеву.

Конечно же, я желаю счастья и благополучия своему народу, успехов в овладении новыми принципами рыночных отношений, достатка каждой семье. А еще - больших творческих успехов своим коллегам - деятелям искусств. Пусть слава нашей родины - Азербайджана - летит по миру на крыльях их искусства.

И еще с удовольствием пожелаю новых достижений коллективу газеты "Гюнай", которая своей гуманистической настроенностью, компетентностью и профессионализмом играет замечательную роль в жизни страны, чем вносит неоценимый вклад в ее процветание.

- Успехов и вам, Муслим Магомедович! И спасибо за беседу

"Гюнай", 28 декабря 2002 года

